Эпистемология и философия науки
2026. Т. 63. № 3. С. 149–167
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2026, vol. 63, no. 3, pp. 149–167
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202663346

Научно-технологический утопизм как способ мышления альтернатив науки. Заметки об «утопическом методе»*

Туркенич Даниил Юльевич –
аспирант.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Исследователь.
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки».
Российская Федерация,
105062, г. Москва,
Лялин пер., 1/36, стр. 2;
e-mail: turkenichdaniil@yandex.ru

Статья посвящена проблеме восприятия научно-технологического утопизма в области эпистемологии, философии науки и социологии знания. Автор показывает, что предложенное К. Манхеймом определение утопии как одной из двух социально обусловленных «ошибок» мышления привело к широко распространенному в философии гиперкритицизму в отношении утопического воображения. Показано, что этот гиперкритицизм («утопофобия») характеризуется категориальной подменой: вместо анализа структуры, элементов и потенциала утопизма его сторонники фокусируются на критике результатов практических воплощений утопических проектов. Отмечается, что в последнее десятилетие в исследованиях утопий наметился сдвиг в сторону анализа эвристического и критического потенциала утопизма как практико-ориентированного способа мышления. Автор обращается к идеям утопии как метода британского социолога Р. Левитас. В одном из разделов статьи обсуждаются избранные фрагменты монографии немецкого философа политики и техники М. Занда «Технологический утопизм и теория справедливости» (2024). В заключение поднимается вопрос о том, возможна ли разработка «утопического метода» в области эпистемологии и философии науки. Автор полагает, что данная новация позволит обогатить исследовательскую традицию эпистемологии, введя в поле исследований науки, техники и общества проработку и обсуждение их альтернативных образов и вариаций.

Ключевые слова: утопия, утопизм, научно-технологический утопизм, утопия как метод, эпистемология, философия науки, социология знания, К. Поппер, К. Манхейм

Scientific and technological utopianism as the way of thinking of science alternatives. Notes towards the “utopian method”

Daniil Yu. Turkenich –
PhD Student.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation.

The article addresses the problem of how scientific and technological utopianism is presented in epistemology, philosophy of science, and the sociology of knowledge. The author shows that K. Mannheim’s definition of utopia as one of two socially conditioned “errors” of thinking has led to a widespread hypercriticism towards the utopian imagination in philosophy. It is shown that hypercritism (“utopophobia”) is characterised by a categorical

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00851, https://rscf.ru/project/26-18-00851/

© Туркенич Д.Ю., 2026

Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization “Russian Society
for the History and Philosophy
of Science”.
1/36 Lyalin lane, bd. 2,
Moscow 105062,
Russian Federation;
e-mail: turkenichdaniil@
yandex.ru

substitution: instead of analysing the structure, elements, and potential of utopianism, its proponents focus on criticising the outcomes of practical implementations of utopian projects. The article notes that in the last decade, utopian studies have seen a shift towards analyzing the heuristic and critical potential of utopianism as a practical way of thinking. The author refers to the ideas of utopia as method by the British sociologist Ruth Levitas. One section of the article examines selected fragments of German political and technological philosopher Martin Sand’s book *Technological Utopianism and the Idea of Justice* (2024). The conclusion raises the question of whether a “utopian method” can be developed in epistemology and philosophy of science. The author believes that such an innovation would enrich the epistemology tradition by introducing the study and meditations on alternative images and variants of science, technology, and society.

Keywords: utopia, utopianism, scientific and technological utopianism, utopia as a method, epistemology, philosophy of science, sociology of knowledge, K. Popper, K. Mannheim

Введение

Современная эпоха характеризуется стремительным расширением пространства агентности науки и техники, которые перестают быть только средствами познания и трансформации мира, все чаще выступая в качестве основы для всеобъемлющих социальных, экономических и политических программ. Это расширение влечет за собой не только утрату нейтральности науки, но и ее включение в системы управления, идеологического регулирования и социального мифотворчества. Хотя миф науки (представление об особом статусе ученых и исключительном положении науки среди других видов деятельности) сегодня активно критикуется и деконструируется, именно эта критика влечет за собой построение так называемых «негумбольдтовских зон обмена» – площадок взаимодействий науки и общества, которые обеспечивают как локализацию этих взаимодействий, так и более эффективный трансфер знаний между учеными и общественными институтами [Масланов, 2024, с. 164]. В связи с этими изменениями открывается пространство для формирования нового – техно-утопического – мифа современной науки: в контекстах соперничества за эффективные решения экзистенциально значимых проблем человечества (изменений климата, кризисов, бедности, нехватки ресурсов) между стратегиями национального технологического развития и корпоративными мегапроектами неизбежно рождаются и процветают научно-технологические утопические нарративы, рассматривающие науку и технику как универсальные средства окончательной гармонизации всех сфер жизнедеятельности [West, 1996; Vohnsen, 2024].

В либерально-демократических исследованиях утопий складывается консенсус, согласно которому «большие формы» воплощения утопизма подвергаются жесткой критике за экстраполяцию его недостатков на все охваченные им явления, а также за отсутствие плюрализма и возможностей для изменений в рамках утопических проектов [Martin, 2023, p. 106]. Исторический опыт XX в. (в том числе Советский проект) показал как потенциал, так и риски утопической эксплуатации науки и всех сфер общественной жизни. В конце XX в. эпоха «больших форм» ушла, постмодернистами были провозглашены «крах метанарративов» и «конец истории». Однако утопическое воображение не исчезло, так как оно укоренено в самой структуре человеческого сознания. Как писал немецкий философ Э. Блох, утопия – это «опосредование нового», проистекающее из незавершенного, еще-не-окончательного характера действительности [Блох, 1991, с. 50]. Соответственно, полностью отказ от утопии невозможен. Поэтому в XXI в. вместе с трансформировавшимся миром трансформировалось и утопическое воображение, приняв новые формы в современных идеологиях технологического прогресса, корпоративного активизма, стартап-культуры, независимых футурологических лабораторий и либерально-демократической «поступательной» инженерии. Как точно отмечает исследовательница Нина Холм Вонсен: «В первые десятилетия XXI века, как я полагаю, прекрасно написанные, сатирические романы и скрупулезные политические программы прошлых веков сменились слайдами PowerPoint, бизнес-кейсами и программными заявлениями…» [Vohnsen, 2024, p. 81].

Трансгуманистические лаборатории, разработки в области общего искусственного интеллекта и коммерческие космические программы воспроизводят в своих риториках утопические нарративы, обещая разрешение всех социальных противоречий средствами научно-технического прогресса. В отличие от утопизма XX в., сегодня драйверами утопизма выступают не столько правящие партии, сколько частные корпорации и миллиардеры-футурологи. Локализация утопизма в рыночной экономике позволяет создавать наиболее притягательные образы независимых лабораторий и предпринимателей-«технопророков» как спасителей человечества, способных эффективно решить насущные проблемы современности не политическими, а коммерческими, научными и техническими средствами – т.е. органично, ненасильственно и поступательно.

Научно-технологический утопизм двойственен. С одной стороны, он угрожает эпистемической автономии науки, подчиняет научную рациональность своим собственным утопическим задачам. В таких условиях наука теряет свою специфику и становится инструментом в чужих руках [Черткова, 2010, с. 266]. С другой стороны, он согласуется с гуманистическим проектом науки, с ее ценностным

содержанием, стимулируя тем самым взаимодействия науки и общества во все более широких контекстах.

Однако нас в большей степени волнует вопрос не о том, обладает ли сам научно-технологической утопизм позитивным содержанием. Мы убеждены, что утопизм может быть представлен как инструмент осмысления, анализа и критики тех явлений, которые он предлагает использовать и трансформировать. Таким образом, утопизм как одна из форм утопического воображения сам по себе обладает эпистемическим и критическим потенциалом. В данной статье с опорой на тенденции последних лет в области исследования утопий мы предлагаем рассмотрение научно-технологического утопизма как своеобразного метода исследования самих науки и технологий, а также их взаимосвязей с обществом. Подобно тому, как Юрген Хабермас фиксировал кризис критической теории в связи с полным разрушением ее собственных оснований и неимением каких-либо иных внешних опор для ее дальнейшего успешного развития, в связи с чем критическая теория нуждалась в глобальном пересмотре [Habermas, 1987, p. 118], мы полагаем, что социальная философия науки при анализе взаимосвязей науки, техники и общества так же нуждается в разработке некоторых альтернативных оснований, позволяющих ей избегать фиксации и оправдания существующего порядка вещей (выражением которого в некотором смысле можно считать известный гегелевский принцип «все действительное разумно, все разумное действительно). Разработку таких альтернатив, на наш взгляд, способны предложить утопические научно-технологические проекты, так как последние ставят под сомнение постоянство и неизменность существующих на данный момент общественных институтов, а также ограничений в технических и познавательных возможностях человека. Утопизм обладает эффектом «остранения» (термин Виктора Шкловского) и деятельно противостоит «презентизму», т.е. приданию исключительных черт имеющемуся положению дел при одновременном принижении значимости прошлого и будущего [Герасимова, 2008, с. 188].

Общим проблемам рассмотрения научно-технологического утопизма как практико-ориентированного способа мышления альтернатив науки, связанным с ним актуальным тенденциям анализа эвристического потенциала утопизма в исследованиях утопий и перспективам локализации этих тенденций в области эпистемологии и будет посвящена данная статья.

Карл Манхейм и «утопофобия»

Классическое для эпистемологии и социологии знания определение утопии как способа мышления, как известно, дал основоположник социологии знания Карл Манхейм в работе «Идеология и утопия». Согласно Манхейму, утопия наравне с идеологией является одним из основных видов социально обусловленных заблуждений; задачей же социологии знания является исследование содержания мышления социальных групп, конкретно – вскрытие и развенчивание этих заблуждений. Манхейм предлагает осмысливать идеологию и утопию как антагонизмы: под первой понимается такое мышление, которое описывает и легитимирует существующий социальный порядок в угоду правящим классам; под второй понимается мышление, которое, ориентируясь на факторы, трансцендентные окружающему его бытию, стремится к «взрыву» существующего порядка, который не устраивает подчиненное население [Манхейм, 1994, с. 164]. Напряжение между идеологией и утопией существует в связи с тем, что и первая, и вторая описывают лишь часть реальности, представляют схематичное изображение возможных форм организации социального бытия, претендуя при этом на истинность своих представлений; более того, завоевание трансцендентного является для каждой формы мышления первостепенной задачей, так как идеология, овладевая факторами, находящимися вне существующего порядка вещей, способна их нейтрализовать и держать под контролем, а утопия, в свою очередь, стремится сделать эти факторы предметом своей деятельности и сообщить им тем самым преображающую силу [Там же, с. 165].

Подробно анализируя различные формы идеологий и утопий, Манхейм тем не менее не придает значения тому обстоятельству, что «заблуждение» вытесненных или привилегированных социальных групп может быть продуктивным и производить познавательные конструкции разной степени успешности и содержательности. Соответственно, мы не встречаем у Манхейма размышлений о том, что утопическое мышление помимо «взрыва» существующего порядка вещей способно предлагать его творческое переосмысление, критическую рефлексию, альтернативные модели общественных отношений. К тому же логичным следствием взглядов Манхейма на предмет и задачи социологии знания выступает ситуация, названная культурологом Клиффордом Гирцем в работе «Интерпретация культур» (1973) «парадоксом Манхейма». Согласно Гирцу, парадокс Манхейма породил для современной социологической мысли нерешаемую «загадку Сфинкса» о том, в какой именно момент при изучении идеологии сама идеология в позиции ученого отходит на второй план, а наука выходит на первый [Geertz, 1973, p. 194]. Мы понимаем, что аналогичная трудность возникает и при анализе утопии,

элементы которой могут неявно детерминировать социально-гуманитарное знание и исследования утопий в частности [Трунов, 2020, с. 712]. Известным примером парадокса Манхейма выступает идеологизация самого понятия идеологии в марксистской теории. На наш взгляд, примером парадокса в отношении утопии могут выступать предложения философов и социологов (например, Карла Поппера) полностью вывести утопическое воображение и утопические практики из жизни человека по причине их тоталитарных наклонностей. Предложения эти сами по себе оказываются утопичными, поскольку в силу своего упрощенного представления об утопическом воображении и его роли в мышлении наивно допускают возможность это мышление трансформировать.

На взглядах исследователей, требующих полного отказа от утопизма и утопического воображения, следует остановиться подробнее. Перенимая отношение Манхейма к утопии как к «заблуждению», гиперкритически настроенные исследователи утопий в области философии, социологии и политологии разделяют общую исследовательскую презумпцию, согласно которой любые формы утопического воображения, будучи едва только выявленными, непременно должны быть демаркированы от иных форм гуманитарного знания и подвергнуты сокрушительной критике за их несостоятельность, антинаучность и неправомерный выход за пределы того, что традиционно считается «реалистичным» или «вероятно достижимым». Эта презумпция названа политическим философом Дэвидом Эстлундом «утопофобией». Как пишет Эстлунд, «…утопофобия – это необоснованный страх перед утопизмом, который может вести к маргинализации исследований и инсайтов, не страдающих дефектами, приписываемыми утопизму» [Estlund, 2014, p. 116]. В данной статье мы попытаемся продемонстрировать, что при всей своей внешней притягательности данная презумпция лишь блокирует постановку плодотворных вопросов об альтернативных сценариях развития общества, науки и техники, сужая тем самым горизонты философского и социогуманитарного исследования.

Классические выражение «утопофобского» подхода к оценке утопизма в эпистемологии и социальной философии XX в. представил Карл Поппер в работе «Открытое общество и его враги». Поппер резко критикует «утопическую социальную инженерию» и вообще попытки переустройства общества по заранее задуманному плану. Реконструируя историю утопического мышления, он усматривает в интеллектуальных проектах Платона, Гегеля и Маркса истоки тоталитаризма XX в. По его мнению, стремление к построению идеального общества неминуемо ведет к насилию, централизованному диктаторскому управлению и игнорированию реальных последствий отдельных действий во имя абстрактной цели [Поппер, 1992, с. 202]. Утопическая социальная инженерия представляется им эпистемически

несостоятельной и глубоко иррациональной, поскольку, согласно Попперу, рациональными средствами предсказать будущее развитие общества невозможно. В противовес Поппер предлагает стратегию «поэтапной (piecemeal) социальной инженерии» – принятие частных решений, направленных на устранение конкретных проблем здесь и сейчас, а не на достижение далекой большой идеи. Такой подход, по его замыслу, должен сделать общественное развитие более стабильным, предсказуемым и защищенным от радикальных экспериментов [Поппер, 1992, с. 200].

Однако представленная Поппером концепция демонстрирует отождествление философом утопии и утопизма с идеологией, упускает из виду позитивный и критический потенциал утопизма как формы воображения и социальной практики. Как следствие, Поппер осуществляет категориальную подмену, которая, на наш взгляд, была заложена еще в подходе К. Мангейма и является характерной чертой исследователей-«утопофобов»: он переносит свои политические интуиции, связанные с конкретными результатами утопического проектирования, на эпистемологическую оценку утопического воображения как такового. Соответственно, философ недооценивает роль этого воображения в проектировании социальной реальности. Из этого следует, что социальная инженерия, принимая общественно значимые решения, как и наука, участвующая в разработке и принятии этих решений, по рекомендации Поппера должны лишь придерживаться стандарта, который Имре Лакатос метко обозначил как «затасканный образец проб и ошибок» [Лакатос, 2008, с. 436].

Оценка Поппером утопизма и соответствующих ему социальных практик оказала масштабное влияние на исследования утопий, утопизма и утопического воображения. Статус утопизма как деструктивного и тоталитарного явления, заслуживающего на каждом витке своего развития только сокрушительную критику, вероятно, во многом обязан именно взглядам Поппера.

Однако даже в работах современных исследователей, старающихся преодолеть гиперкритицизм в отношении утопического воображения, мы встречаем следы обозначенной выше утопофобской подмены. Ограничимся здесь анализом серии статей отечественного эпистемолога и исследовательницы утопического сознания Е.Л. Чертковой. Выбор ее работ обусловлен тем, что они посвящены непосредственно эпистемологическому анализу научно-технологического утопизма как формы сознания и способа мышления, в отличие от большей части отечественных авторов, представляющих литературную и религиозно-философскую традицию исследования утопий. О подходах к анализу утопизма, подобных попперовскому, она справедливо пишет: «Законное стремление преодолеть утопизм с его радикализмом, нигилизмом и фанатизмом вылилось в огульное отрицание какого-либо позитивного смысла утопии как обладающей

специфическими задачами и социальными функциями» [Черткова, 2015, с. 191].

Наиболее известным и полным воплощением утопизма в науке выступает, по ее мнению, сциентизм. Позитивистская фиксация на эмпирически получаемом знании как единственно возможной истине, противопоставление им познавательный ценности специальных наук и абстрактной спекулятивности философских исследований открыли возможности для предельной упрощения и искажения понятий знания, познания и науки.

На примере сциентизма мы можем видеть, насколько прочные позиции утопизм способен завоевать в различных формах культуры и в науке в частности. Причиной этому могут служить, по мнению Чертковой, некоторые внешние сходства между наукой и утопизмом: им обоим присущи рациональность, критичность и проективность [Черткова, 2010, с. 265]. Однако в действительности в этих же свойствах коренятся и глубинные различия: 1 – рациональность утопизма предельно ангажирована; 2 – критичность утопизма направлена только вовне; 3 – проективность утопизма ставит перед собой зачастую нерешаемые задачи. Благодаря таким псевдорациональным элементам утопизм успешно вторгается в культуру и подчиняет ее себе, оставаясь трудноразличимым. Соответственно, задача отделения науки от утопизма едва ли может быть в полной мере выполнимой. Самым ярким и маргинальным примером засилия утопизма в науке, по мнению Чертковой, выступает так называемая «теория новой биологии», разработанная биологом Э.С. Енчменом [Там же, с. 273]. Несмотря на фантасмагорический характер, идеи Енчмена благодаря своему радикализму вызывали интерес у раннесоветской молодежи.

При всей глубине критики Чертковой научно-технологического утопизма мы можем заметить, что ее основные интуиции сосредотачиваются вокруг наиболее деструктивных форм утопизма в науке. Утопизм в ее интерпретации предстает только как фактор искажения и деформации научной рациональности, угрожающий ее специфике и автономии. При этом ею полностью игнорируется критический и эвристический потенциал самого утопического воображения, в том числе утопизма, который хотя и имеет предельно ангажированный характер, совмещенный с псевдорациональными элементами и способностями к мимикрии под науку, все же представляет собой интерес как реальная практика разработки и претворения в жизнь альтернативных моделей общества и науки[1].

[1] О практической ориентированности утопизма и разнице утопизма и утопии см. подробнее: *Черткова Е.Л.* Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.

Гиперкритицизм в отношении утопизма имеет, на наш взгляд, имеет ряд негативных последствий для эпистемологии и исследований утопий. Научно-технологические утопии могут выступать не только как «схематизмы», но и как мысленные эксперименты, позволяющие исследовать границы возможного. Утопофобия, стигматизируя эти проекты как наивные и опасные, закрывает возможность для их систематического эпистемологического анализа. При этом исследователи, разделяющие гиперкритические позиции, не способны распознать утопические элементы в самой «реалистической» науке, так как утопофобский гиперкритицизм направлен исключительно вовне, на явные, маркированные утопии. Поэтому он слеп к собственным утопическим допущениям, которые могут скрываться в «здравом смысле», «реализме» или в неявных нормативных предпосылках самой утопофобской позиции. Утопофобия, не различая типы и формы утопизма, не анализируя его процессуальные аспекты, игнорируя его место и роль в культуре и науке, не может в результате эффективно противостоять наиболее опасным его формам именно потому, что последние, как подмечала Черткова, маскируются под «научные» и «реалистические». Наконец, в подобных исследованиях происходит подмена эпистемологического анализа практическими опасениями. Утопический проект может давать новое знание о возможных конфигурациях общества, науки, технологий, даже если его практическая реализация была бы опасной или невозможной. Утопофобия же отказывает в праве на существование такому знанию; как следствие, эпистемология и философия науки лишаются важнейших инструментов критики существующих научных и общественных практик, выявления их скрытых ценностных допущений и проектирования альтернативных траекторий развития науки и технологий.

Воображаемое воссоздание общества

Сказанное выше, на наш взгляд, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что утопизм заслуживает рассмотрения в качестве инструмента и метода исследования. Поэтому преодоление расхожей в либерально-демократических и отечественных постсоветских исследованиях утопий стигматизации утопического мышления требует в рамках эпистемологии и философии науки смещения фокуса с анализа внешних форм утопизма и его конечных результатов на исследование его глубокого эвристического и критического потенциала. В контексте данной статьи речь идет конкретно о переходе к анализу утопизма как метода изучения и критики самой науки, ее институциональных структур и общества, находящегося под мощным

влиянием научно-технического прогресса. Как отмечает Р.И. Соколова, в современной ситуации неопределенности цивилизационного развития как в России, так и в зарубежных странах философы и социальные ученые все чаще предлагают реабилитацию утопического мышления как средства разработки вариантов выхода из кризиса и идейного вакуума [Соколова, 2019, с. 10]. Характерно, что подобная трансформация в проблематике исследований утопий наблюдается в последнее десятилетие: как зарубежные, так и отечественные исследователи нередко обсуждают не классические утопические тексты, персоналии и содержание утопических проектов, а вопросы понимания утопии как инструмента осмысления и преобразования мира [Паниотова, 2024]. Далее мы представим обзор нескольких современных исследовательских позиций, принципиально значимых для данного «утопического поворота».

Наиболее востребованное, по нашему мнению, переосмысление роли утопического мышления в социальных науках предложила британская исследовательница утопий и социолог Рут Левитас в работе «Утопия как метод. Воображаемое воссоздание общества» (2013). Она предлагает понимать утопию не как конечную цель общественных преобразований, а как метод «воображаемого воссоздания общества» (Imaginary Reconstitution of Society, IROS). Левитас подчеркивает, что IROS не является принципиально новым методом, так как он лишь выявляет процессы, изначально присущие утопической спекуляции и социальной теории (идея использования утопии в качестве метода социологии была предложена еще Гербертом Уэллсом в эссе «Так называемая наука социологии» [Wells, 1906]). Методологический сдвиг, осуществленный Левитас, заключается в легитимации и систематическом применении этих процессов.

Центральное место в концепции Левитас занимают три взаимосвязанных модуса утопии как метода. Археологический модус направлен на выявление скрытых, неявных утопических представлений о «благом обществе», которые укоренены в политических программах, экономических стратегиях и культурных дискурсах. Левитас пишет: «Посылка утопии как археологии состоит в том, что большинство политических позиций содержат имплицитные образы благого общества и взгляды на то, каковы люди и какими они должны быть» [Levitas, 2013, p. 154]. Археологический модус утопического метода подобен работе археолога, который по фрагментам и осколкам реконструирует целое. Задача исследователя-социолога на данном этапе – «раскопать» эти образы, сделать их явными и подвергнуть критическому анализу.

Онтологический модус отталкивается от вопроса о том, какими именно людьми нас делают существующие социальные и институциональные порядки и как могли бы измениться члены общества

при иных его конфигурациях. Левитас указывает, что любое представление о «благом обществе» неизбежно включает себя какие-либо убеждения о природе и процветании человека. Онтологический модус «озабочен именно субъектами и агентами утопии, теми включенными в нее “я”, которых утопия поддерживает или допускает» [Levitas, 2013, p. XVII].

Третий, архитектурный модус – это собственно конструирование целостных, институционально-специфичных альтернативных сценариев будущего. Левитас подчеркивает, что архитектурный режим – это не создание утопических «схематизаций» в том смысле, который вкладывают в это понятие критики утопий и утопизма. Напротив, это гипотетическое, условное и открытое для критики моделирование возможных социальных и институциональных порядков. В отличие от традиционных утопий, фиксирующих статичный идеал, архитектурный модус подразумевает постоянную рефлексию, сверку, критику и диалог.

Ключевое преимущество понимания утопии как метода, по мысли Левитас, заключается в преодолении ограничений как «наивного» утопизма, так и гиперкритических подходов, описанных нами ранее как «утопофобских». Утопическое воображение выполняет критическую функцию остранения, показывая, что существующие институты и практики не являются безальтернативными и единственно возможными. Следовательно, утопический метод «воображаемого воссоздания общества» легитимизирует утопическое воображение как валидную и эпистемически ценную форму познания.

Научно-технологический утопизм и идея справедливости

Актуальным примером использования утопии как метода философского анализа выступает упомянутая нами работа немецкого политического философа Мартина Занда «Технологический утопизм и идея справедливости» (2024). Согласно его концепции «полезного участия» (worthwhile engagement), ценность исследовательского взаимодействия с научно-технологическими утопиями (такими как трансгуманизм, цифровая утопия, виртуальная реальность) заключается в способности последних расширять наше представление о масштабах и локализации справедливости, а также выявлять скрытые допущения, которые лежат в основе классических моральных теорий справедливости и социально-политических решений [Sand, 2024, p. 3].

Согласно Занду, классические теории справедливости (например, Джона Ролза, Томаса Нагеля) строятся на так называемых «обстоя-

тельствах справедливости» – наборе фоновых допущений о человеческой природе и мире, которые считаются неизменными: умеренная скудость ресурсов, ограниченный альтруизм, человеческая смертность и ограниченность знаний при принятии решений [Sand, 2024, p. 46]. Утопические научно-технологические проекты нередко позволяют пересмотреть эти неизменные условия, помыслить альтернативные ситуации, при которых силами науки и техники они были бы устранены, и, как следствие, вскрыть случайный и социально сконструированный характер решений, принимаемых с опорой на эти условия. Как отмечает Занд, многие научно-технологические утопии ставят под вопрос неизменность этих допущений и предлагают помыслить ситуации, в которых представления о справедливости не скованы озвученными обстоятельствами [Ibid., p. 2].

Занд подчеркивает, что его защита технологического утопизма как инструмента переосмысления отношений между индивидуальным, общественным и техническим не является оправданием утопизма как такового; его интересуют лишь те вариации утопизма, которые соответствуют этому критерию и способны тем самым расширить наше понимание о локализации и масштабах справедливости. В пятой главе своей монографии «Справедливость в технологической утопии» он подробно разбирает конкретные примеры того, как ряд современных утопических проектов позволяет развивать и пересматривать данную проблематику. Предлагаем обратиться к анализу этих кейсов.

Как известно, и Дж. Ролз, и Т. Нагель признают в качестве «фонового допущения» подверженность человечества естественной генетической лотерее, которая во многом обуславливает распределение сил и возможностей в обществе. В свою очередь, задача общественных институтов – хотя бы частично пытаться компенсировать и уравновешивать эти биологически обусловленные различия между людьми. Более трудным представляется вопрос о распределении благ на основе талантов и усилий, так как при попытке объяснить успех определенного агента невозможно точно отследить, обусловлен ли этот успех исключительно усилиями или же природная склонность к какой-либо деятельности также сыграла существенную роль. Следовательно, распределение благ и привилегий на основе одних только усилий агентов не может быть по-настоящему справедливым. Само собой, о справедливости этих биологических предзаданностей политические и моральные философы предпочитают не дискутировать – в отличие от трансгуманистов. Трансгуманизм предлагает сместить ответственность за определение справедливости с индивидов и общественных институтов в область технологий, которые могли бы уменьшить влияние биологических причин на социальное неравенство, так как им постулируется возможность генетического редактирования человека и исключения

тем самым болезней как явления. Хотя остается открытым вопрос о том, насколько трансгуманизм способен отбиться от популярных обвинений в элитаризме, связи с евгеникой и отрицании права людей с болезнями на существование, стоит признавать за ним по меньшей мере два достижения: во-первых, проблематизацию справедливости биологических предзаданностей человека и, соответственно, попытку сделать биологический фактор элементом этического дискурса; во-вторых, введение в этот дискурс технологий в качестве нового субъекта справедливости наравне с индивидами и общественными институтами.

Еще одно базовое условие справедливости, поставленное трансгуманизмом, различными вариациями техноутопизма и «цифровыми утопиями» под сомнение, – это дефицит благ; утописты предлагают помыслить ситуацию, при которой дефицита просто не существует. Соответственно, перестанет существовать и большая часть связанных с распределением благ моральных проблем. Возникает, однако, другая проблема: достижение изобилия не решает сам вопрос о равномерном, справедливом и своевременном распределении благ с целью повышения качества жизни человека, а лишь делает эти блага повсеместно доступными. Изобилие товаров, доступных каждому, неизбежно приведет к экологической катастрофе, так как многие желания человека определены не столько биологической, сколько психологической потребностью в эксклюзивности и уникальности обладаемого блага. Занд подчеркивает: если, например, в какой-то момент времени людям повсеместно станет доступно жилье большей площади, чем есть у них сейчас, то в последующем другие люди пожелают заполучить жилье еще больших размеров. Попытка удовлетворить этот запрос оборачивается абсурдом.

Однако этот абсурд разрешается в концепции цифровой утопии: современные цифровые технологии, в том числе Интернет и виртуальная реальность, способны удовлетворить постоянно растущий запрос на новые и эксклюзивные блага, не производя последние физически, а предоставляя их цифровые копии в виртуальных пространствах. Многие товары – книги, произведения искусства, фильмы и музыка – в цифровом виде доступны каждому желающему, так как они не лимитированы количеством физических экземпляров. Следовательно, цифровое распределение благ хотя бы частично делает «общество постдефицита» возможным. И если мы признаём реализм виртуального опыта, то, соответственно, очень многие потребности людей, связанные с социализацией, самовыражением и прочим, будут успешно удовлетворяться благодаря созданию виртуальных пространств, цифровых аватаров. Занд цитирует Дэвида Чалмерса, отмечавшего, что, согласно Дж. Ролзу, дефицит – условие справедливости; следовательно, при упразднении дефицита средствами цифровой утопии принципы

справедливости вообще перестанут действовать, так как утратят свою необходимость [Sand, 2024, p. 141]. Как пишут отечественные авторы О.Н. Халуторных и Е.А. Егорова: «В рамках цифровой утопии высшее благо – информация; величайшее достижение социума – равенство, выражающееся в одинаковом доступе к информации и воздвигнутое на базе новых медиа» [Халуторных, Егорова, 2022].

Подобными средствами, по мнению Занда, может быть достигнута и всеобщая гармония в обществе. Пожалуй, на данный момент только благодаря Интернету, социальным сетям, виртуальным пространствам и видеоиграм представители всех возможных социальных, культурных, этнических и прочих групп способны создавать свои собственные сообщества, одновременно и достаточно изолированные друг от друга во избежание конфликтов на почве несовместимых ценностей, и не препятствующие свободному перемещению между ними. Более того, виртуальный опыт позволил бы некоторым людям заместить опыт реальный, недоступный им в силу ограничений здоровья или иных факторов. Таким образом, цифровая утопия становится большой платформой, «метаутопией» для утопий частных и более локальных. Естественно, цифровая утопия справедливо критикуется как способ эскапизма, избегания реальности. Тем не менее она также ставит вопросы о справедливости тех условий жизни человека, которые традиционно понимаются как данность, и ищет ответ на эти вопросы в области технологий.

Вместо заключения: как возможен утопический метод?

Проанализировав как гиперкритические позиции в отношении утопизма, так и набирающие все большую популярность подходы к рассмотрению утопии как метода и выявив некоторые преимущества последних, мы можем теперь задаться вопросом: каким образом эта тенденция исследования утопий как инструмента для осмысления и критики мира может быть продуктивно задействована в философии науки и эпистемологии применительно к научно-технологическому утопизму? Иными словами, можем ли мы не просто ограничиться признанием эвристической ценности утопического воображения и утопических проектов, но и превратить их самих в рабочий инструмент изучения науки, ее институтов и их взаимодействия с обществом? Ответ на этот вопрос, разумеется, не может быть сейчас однозначным и окончательным. Со своей стороны мы лишь предложим свое видение того, как данный тренд может быть взят «на вооружение» эпистемологами и философами науки.

На наш взгляд, «утопический метод» в социальной философии науки может начаться с подбора верной исследовательской оптики: вместо того чтобы рассматривать научно-технологические утопические проекты как угрозу научной рациональности, как опасные технократические и тоталитарные планы общественных преобразований, мы предлагаем вслед за упомянутыми нами ранее авторами отнестись к ним как к мысленным экспериментам, позволяющим выявить скрытые ценностные допущения науки, подвергнуть анализу те институциональные факторы науки как социального феномена, которые обычно не попадают в поле зрения исследователя. Задача такого исследования – не диктовать институту науки какие-либо чуждые ей ценности, а расширить пространство для рефлексии над целями и границами научно-технического развития.

Конкретные исследовательские операции, которые могли бы составить содержание утопического метода, можно представить, адаптировав предложенные Левитас модусы метода IROS. Археологический модус в применении к философии науки означал бы систематическое выявление утопических допущений, имплицитно присутствующих в научных программах, технологических стратегиях и политиках инноваций. Например, подобным образом можно подвергнуть анализу идеи «открытой науки» (выраженные как в часто используемой модели публикации научных материалов Open Access, так и в маргинальных проектах научного флибустьерства), выявить их взаимосвязь с утопией знания как всеобщего блага (берущую начало еще в утопическом проекте науки Ф. Бэкона), проследить их взаимоотношение и столкновение с коммерческими и политическими интересами. Онтологический модус потребовал бы анализа того, как различные эпистемические практики и институциональные порядки конституируют субъекта познания: какие добродетели (беспристрастность, открытость, критичность) и пороки (догматизм, конформизм, корысть) они культивируют и какую идентичность исследователя они предполагают. Так, можно показать, как современное требование непрерывного воспроизводства научного результата, описываемое афоризмом “publish or perish” («публикуйся или умри») формирует идентичность ученого-предпринимателя, подрывая особое экзистенциальное призвание ученого как искателя истины и «дарителя» знания. Наконец, архитектурный модус побудил бы разрабатывать альтернативные сценарии развития науки и техники, не ограничиваясь простой экстраполяцией текущих трендов. В контексте проблемы «быстрой науки» результатом работы архитектурного модуса может послужить разработка и выдвижение проекта «медленной науки», выступающей альтернативой безумной скорости производства научного знания в ущерб его качеству (см. например: [Касавин, 2026]). Такое исследование позволило бы выполнять одновременно эвристическую, критическую и регулятивную

функции, расширяя пространство рефлексии над проблемами научного знания и функционирования науки как института.

Подобное применение метода IROS в контексте исследования науки можно было бы сравнить, например, с идеями Пола Фейерабенда (методом пролиферации, принципами контриндукции и «все позволено») или онтологическим поворотом. Однако если Фейерабенд призывает к разработке максимального числа альтернативных точек зрения посредством отказа от догматического следования методологическим стандартам и правилам научной рациональности, позволяя ученым использовать любые стратегии для получения жизнеспособных гипотез, IROS предлагает вполне четкую и систематическую процедуру по конструированию и анализу альтернатив. В свою очередь, онтологический поворот, открывающий перспективы для описания множественных миров, все еще не побуждает исследователей разрабатывать миры еще-не-существующие; эту задачу как раз берет на себя «утопический метод».

Переход от проблем демаркации утопии и науки, критики утопических проектов за несостоятельность к «утопическому методу» позволил бы отказаться от вопроса «как защитить науку от утопии?» и использовать утопическое воображение для более глубокой и своевременной рефлексии над научно-технологическим развитием и проблемами ответственного проектирования будущего человечества. К попытке применить предложенный нами подход к анализу реальных научно-технологических утопических проектов мы непременно обратимся в последующих работах.

Список литературы

Блох, 1991 – *Блох Э.* Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.

Герасимова, 2008 – *Герасимова И.А.* Аргументация презентизма // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 16. № 2. С. 188–198.

Касавин, 2026 – *Касавин И.Т.* «Быстрая наука»: свобода и качество исследований сквозь призму публикационной активности // Эпистемология и философия науки. 2026. Т. 63. № 1. С. 6–21. DOI: 10.5840/eps20266311.

Лакатос, 2008 – *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С. 281–475.

Манхейм, 1994 – *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

Масланов, 2024 – *Масланов Е.В.* Наука и техногенная цивилизация: к вопросу о гуманистическом проекте науки. М.: Русское общество истории и философии науки, 2024.

Паниотова, 2024 – *Паниотова Т.С.* Современные исследования утопии: Новые грани старых проблем // Утопические проекты в истории культуры: материалы V Всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «Социализм между утопией и антиутопией». Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2024. С. 5–10.

Поппер, 1992 – *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / Под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Соколова, 2019 – *Соколова Р.И.* Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26.

Трунов, 2020 – *Трунов А.А.* Интеллигенция, идеология и утопия в эпистемологическом проекте К. Манхейма // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 4. С. 711–718. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-711-718.

Халуторных, Егорова, 2022 – *Халуторных О.Н., Егорова Е.А.* Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманитарный вестник. 2022. Т. 94. № 2. DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-771.

Черткова, 2010 – *Черткова Е.Л.* Наука в контексте утопии: уроки истории // Философия науки и техники. 2010. Т. 15. С. 263–276.

Черткова, 2015 – *Черткова Е.Л.* Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190–201.

References

Bloch, E. “Printsip nadezhdy” [The Principle of Hope], in: V.A. Chalikova (ed.). *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoi literatury* [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature]. Moscow: Progress Publ., 1991, pp. 49–78. (Trans. into Russian)

Chertkova, E.L. “Nauka v kontekste utopii: uroki istorii” [Science in the Context of Utopia: History Lessons], *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2010, vol. 15, pp. 263–276. (In Russian)

Chertkova, E.L. “Utopiya kak ‘filosofskii proekt’” [Utopia as a “Philosophical Project”], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 5, pp. 190–201. (In Russian)

Estlund, 2014 – Estlund, D. “Utopophobia”, *Philosophy & Public Affairs*, 2014, vol. 42, no. 2, pp. 113–134.

Geertz, 1973 – Geertz, C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, Inc., 1973.

Gerasimova, I.A. “Argumentatsiya prezentizma” [The Argumentation of Presentism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2008, vol. 16, no. 2, pp. 188–198. (In Russian)

Habermas, 1987 – Habermas, J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*, trans. by Frederick Lawrence. Massachusetts: MIT Press, 1987.

Kasavin, I.T. "Bystraya nauka": svoboda i kachestvo issledovanii skvoz' prizmu publikatsionnoi aktivnosti ["Rapid Science": Freedom and Quality of Research Through the Prism of Publication Activity], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2026, vol. 63, no. 1, pp. 6–21. DOI: 10.5840/eps20266311. (In Russian)

Khalutornykh, O.N., and Egorova, E.A. "Tsifrovaya utopiya v sovremennom obshchestve: sotsial'no-filosofskii aspect" [Digital Utopia in Modern Society: A Socio-Philosophical Aspect], *Gumanitarnyi vestnik*, 2022, vol. 94, no. 2. DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-771. (In Russian)

Lakatos, I. "Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm" [Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes], in: I. Lakatos. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science], trans. by I.N. Veselovskii, A.L. Nikiforov, V.N. Porus. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta, 2008, pp. 281–475. (In Russian)

Levitas, 2013 – Levitas, R. *Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society*. London: Palgrave Macmillan, 2013.

Mannheim, K. "Ideologiya i utopiya" [Ideology and Utopia], in: K. Mannheim. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Yurist Publ., 1994, pp. 7–276. (In Russian)

Martin, 2023 – Martin, L. *Alternative Societies: For a Plurist Socialism*. Bristol: Bristol University Press, 2023. DOI: 10.46692/9781529229691.

Maslanov, E.V. *Nauka i tekhnogennaya tsivilizatsiya: k voprosu o gumanisticheskom proekte nauki* [Science and Technogenic Civilization: On the Question of the Humanistic Project of Science]. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science Publ., 2024. (In Russian)

Paniotova, T.S. "Sovremennye issledovaniya utopii: novye grani starykh problem" [Contemporary Studies of Utopia: New Facets of Old Problems], in: *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury* [Utopian Projects in the History of Culture]. *Proceedings of the 5th National Scientific Conference "Socialism between Utopia and Dystopia"*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publ., 2024, pp. 5–10. (In Russian)

Popper, K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t.* [Open Society and Its Enemies: in 2 vols.], vol. 1: *Chary Platona* [The Spell of Plato], ed. by V.N. Sadovskii. Moscow: Feniks Publ.; Mezhdunarodnyi fond "Kul'turnaya initsiativa", 1992. (Trans. into Russian)

Sand, 2024 – Sand, M. *Technological Utopianism and the Idea of Justice*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024.

Sokolova, R.I. "Reabilitatsiya utopii kak simptom krizisa rossiiskoi i zapadnoi tsivilizatsii" [Rehabilitation of Utopia as a Symptom of the Crisis of Russian and Western Civilizations], *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2019, vol. 62, no. 5, pp. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26. (In Russian)

Trunov, A.A. "Intelligentsiya, ideologiya i utopiya v epistemologicheskom proekte K. Mankheima" [Intelligentsia, Ideology and Utopia in the Epistemological Project of K. Mannheim], *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 2020, vol. 45, no. 4, pp. 711–718. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-711-718. (In Russian)

Vohnsen, 2024 – Vohnsen, N.H. “Corporate Utopias: The Tech Elit’s Visions and the Global Crises of Democratic Problem-Solving”, *Journal of Business Anthropology*, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 79–101. DOI: 10.22439/jba.v13i2.7141.

Wells, 1906 – Wells, H.G. “The So-Called Science of Sociology”, *The Sociological Review*, 1906, vol. 3, no. 1, pp. 357–369.

West, 1996 – West, J. “Utopianism and National Competitiveness in Technology Rhetoric: The Case of Japan’s Information Infrastructure”, *The Information Society*, 1996, vol. 12, no. 3, pp. 251–272. DOI: 10.1080/019722496129459.